

Казак — эпизод 2 из 2

Приехали домой, христосовались с работниками; Торчаков опять повеселел и стал разговаривать, но как сели разговляться и все взяли по куску свяченого кулича, он невесело поглядел на жену и сказал:

А нехорошо, Лизавета, что мы не дали тому казаку разговеться.

Чудной ты, ей-богу! сказала Лизавета и с удивлением пожала плечами. Где ты взял такую моду, чтобы свяченную паску раздавать по дороге? Нешто это булка? Теперь она порезана, на столе лежит, пущай ест, кто хочет, хоть и казак твой! Разве мне жалко?

Так-то оно так, а жалко мне казака. Ведь он хуже нищего и сироты. В дороге, далеко от дому, хворый...

Торчаков выпил полстакана чаю и уж больше ничего не пил и не ел. Есть ему не хотелось, чай казался невкусным, как трава, и опять стало скучно.

После разговенья легли спать. Когда часа через два Лизавета проснулась, он стоял у окна и глядел во двор.

Ты уже встал? спросила жена.

Не спится что-то... Эх, Лизавета, вздохнул он, обидели мы с тобой казака!

Ты опять с казаком! Дался тебе этот казак. Бог с ним.

Он царю служил, может, кровь проливал, а мы с ним как с свиньей обошлись.

Надо бы его, больного, домой привезть, покормить, а мы ему даже кусочка хлеба не дали.

Да, так и дам я тебе паску портить. Да еще свяченную! Ты бы ее с казаком искромсал, а я бы потом дома глазами лупала? Ишь ты какой!

Максим потихоньку от жены пошел в кухню, завернул в салфетку кусок кулича и пяток яиц и пошел в сарай к работникам.

Кузьма, брось гармонию, обратился он к одному из них. Седлай гнедого или Иванчика и езжай поживее к Кривой Балочке. Там больной казак с лошадей, так вот отдай ему это. Может, он еще не уехал.

Максим опять повеселел, но, прождав несколько часов Кузьму, не вытерпел, оседлал лошадь и поскакал к нему навстречу. Встретил он его у самой Балочки.

Ну что? Видал казака?

Нигде нету. Должно, уехал.

Гм... история!

Торчаков взял у Кузьмы узелок и поскакал дальше. Доехав до деревни, он спросил у мужиков:

Братцы, не видали ли вы больного казака с лошадей? Не проезжал ли тут? Из

себя рыжий, худой, на гнедом коне.

Мужики поглядели друг на друга и сказали, что казака они не видели.

Обратный почтовый ехал, это точно, а чтоб казак или кто другой такого не было.

Вернулся Максим домой к обеду.

Сидит у меня этот казак в голове и хоть ты что! сказал он жене. Не дает покою. Я всё думаю: а что ежели это бог нас испытать хотел и ангела или святого какого в виде казака нам навстречу послал? Ведь бывает это.

Нехорошо, Лизавета, обидели мы человека!

Да что ты ко мне с казакom пристал? крикнула Лизавета, выходя из терпения.

Пристал, как смола!

А ты, знаешь, недобрая... сказал Максим и пристально поглядел ей в лицо.

И он впервые после женитьбы заметил, что его жена недобрая.

Пушай я недобрая, крикнула она и сердито стукнула ложкой, а только не стану я всяким пьяницам свяченную паску раздавать!

А нешто казак пьяный?

Пьяный!

Почем ты знаешь?

Пьяный!

Ну и дура!

Максим, рассердившись, встал из-за стола и начал укорять свою молодую жену, говорил, что она немилосердная и глупая. А она, тоже рассердившись, заплакала и ушла в спальню и крикнула оттуда:

Чтоб он окошел, твой казак! Отстань ты от меня, холера, со своим казакom вонючим, а то я к отцу уеду!

За всё время после свадьбы у Торчакова это была первая ссора с женой. До самой вечерни он ходил у себя по двору, всё думал о жене, думал с досадой, и она казалась теперь злой, некрасивой. И как нарочно, казак всё не выходил из головы и Максиму мерещились то его больные глаза, то голос, то походка...

Эх, обидели мы человека! бормотал он. Обидели!

Вечером, когда стемнело, ему стало нестерпимо скучно, как никогда не было, хоть в петлю полезай! От скуки и с досады на жену он напился, как напивался в прежнее время, когда был неженатым. В хмелю он бранился скверными словами и кричал жене, что у нее злое, некрасивое лицо и завтра же он прогонит ее к отцу.

Утром на другой день праздника он захотел опохмелиться и опять напился. С этого и началось расстройство.

Лошади, коровы, овцы и ульи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой... Все эти напасти, как говорил Максим, произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что бог

прогневался на него и на жену... за больного казака. Он всё чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по степи и ждал, не встретится ли ему казак...

На юге кулич называют пасхой или паской.